

ВСЕВОЛОД АЛФЕРОВ

ЦАРЬ БЕЗ ЦАРСТВА

Москва
«Снежный Ком»
2018

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6
А53

Серия «Волшебные миры» основана в 2017 году
Ведущий редактор *Глеб Гусаков*
Дизайн серии *Макс Олин*

Алферов, Всеволод
А53 Царь без царства: роман / Всеволод Алферов. — М. : Снежный Ком М, 2018. — 432 с. — (Волшебные миры).

ISBN 978-5-9500850-2-4

Это Анхарское царство. Страна, в которой золотую маску Царя Царей носит мальчишка, а из-за его спины правят безжалостные советники. Страна, в которой магов почитают отродьями, преследуют и запирают в обителях. И даже сам Верховный маг обладает властью не большей, чем юный царь. В смертельной схватке за власть сановники не замечают нарастающую волну странных ритуальных убийств. В игру вступает третья сила — загадочная и беспощадная. Устоит ли дряхлеющее древнее царство под этим натиском?

Встречайте первую книгу «Анхарского цикла» Всеволода Алферова, написанную в лучших традициях классического фэнтези!

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6

ISBN 978-5-9500850-2-4

© Алферов В., 2018
© ООО «Снежный Ком М», 2018
© Оформление. Олин М., 2018

*Ближе всего моему сердцу
царь без царства
и бедняк, не умеющий
просить милостыню.*
Джебран Халиль Джебран

Часть первая
**Вскормленный
кровью**

1

*Торговый город Джамайя на Золотом тракте,
9-е месяца Пау'ни, 752 год после Завоевания*

На исходе второго часа в трущобах Джен проклял сестру.

Небо над рекой стало как замусоренная мостовая: пепельно-серое, почти седое, в клочьях комковатых облаков. Уже почти стемнело, лишь на западе, над Светлым городом, краешек солнца пробивался над крышами, заливая подбрюшья туч тусклым светом.

«Будь ты проклята, Сáхра!»

Джен искал другие слова, помягче, но не находил. Еще раз оглянувшись, юноша понял, что теперь-то заблудился окончательно.

В чередь одинаковых обветшалых зданий он и днем бы не узнал то самое, нужное ему. Глиняные заборы заслонили падающий из окон свет, в сумерках люди казались безликими призраками. Юноше не нравилось это место: ни тени, ни прохожие, ни любопытные взгляды. Они словно оценивали, взвешивали его. Если б он мог, он бы тут же развернулся и зашагал прочь.

Если бы не Сахра.

Джен неуверенно двинулся дальше, когда понял, что кто-то держит его за рукав. Снизу вверх на него вытаращились два мутных глаза, один подернулся белесой пленкой бельма.

— Любезный, монетки не найдется?

Джен вздрогнул.

Глаза у нищего — ну точно оловянные бляшки, да и смотрел он в пустоту над правым плечом парня. Выдавлив просьбу, старик тонко захихикал, из уголка его губ потянулась ниточка иссиня-черной слюны. Черный дурман, понял Джен.

— Пошел вон! — Он пнул нищего и заспешил прочь. Здесь, в трущобах, где вдоль дороги не чадят факелы, тени густеют быстро. Даже слишком быстро.

Главное — не стоять на месте, уж это он знал точно. Идущий человек сливается с сотнями других, стоит встать посреди дороги как истукан — и неминуемо станешь жертвой нищих и городского вора.

Главное — не стоять на месте... И все же неплохо знать, куда идти! Пятый поворот направо от моста. Вывеска с нарисованным цветком. Сколько облупившихся, бездарно наклеенных вывесок он уже прошел? Сколько и вправду напоминают то, что на них нарисовали?

Джен распознал харчевню по смеху: трудно спутать пьяный гогот с искренним и неподдельным весельем. Шагнул внутрь, он оказался в чадном полумраке. В темноте под высоким, потемневшим от копоти потолком гудели мухи. Редкие огоньки шипящих масляных ламп бросали на лица причудливые тени.

Мимолетно порадовавшись, что не взял с собой кошелька, Джен отступил в тень. Быть незаметным — первое, чему сизмальства учится горожанин. Пару ударов сердца он вглядывался в полумрак, пока не приметил женское лицо. Боги, неужто это Сахра? Словно заторможенная, девушка двигалась меж столов, безучастно водя по ним мокрой тряпкой. Неужели Сахра? Нет... Нет. Просто служанка, просто худая белокожая девушка, одурманенная зельем.

Юноша выругался.

Сестра говорила, что нанялась в «Синий лотос» разносчицей, но будь он проклят, если видит хоть одну! Только тощий старик с унылым лицом сновал меж посетителей, удерживая в руках полдюжины оловянных кружек.

Покинув укрытие, Джен стал проталкиваться сквозь толпу.

— Эй, почтенный! Да, ты. Поди сюда.. — Старик опасно подошел, поглядывая на белую рубашу и длинный, до середины икр, кафтан парня. — Мне нужна Сахра. Не знаешь, где ее искать?

— Господин, верно, в первый раз? — Старик удивился, но все же махнул рукой. — Там... комнаты..

Вот и все, что разобрал Джен. Мгновением позже он скорее угадал, чем разглядел в тени потрепанную лестницу, но уточнить было не у кого. Разносчик успел скрыться за спинами посетителей.

Уже тогда, в темном коридоре за лестницей, в мысли парня закрались первые робкие сомнения: зачем сестра солгала? Довести мысль до конца он не успел — Сахра выпорхнула навстречу. Не заметив брата, она налетела на юношу и лишь тогда его узнала.

— Джен!

Долгое мгновение он не мог понять, рассержена она или рада его видеть. А потом девушка повисла у него на шее:

— Я так рада, что ты пришел! Я уж собралась спускаться, но они могут подождать..

— Им *придется* подождать, — юноша встал поперек прохода, загородил дорогу.

Бревенчатые, обмазанные глиной стены. Пучок трав на нитке под потолком. Их горьковатый аромат затопил комнату, отгоняя прочие запахи. Над огоньком масляной плошки неуклюже танцевали ночные бабочки. «А здесь... даже уютно», — признал Джен, но вслух строго спросил:

— Сегодня работаешь ночью?

Сестра кивнула.

— Ты очень удачно пришел, — скрестив ноги, она уселась на подушки, озорные глаза ее в полумраке блестели. Юноша

приметил тонкое колечко с бирюзой, в темных волосах проглядывали цветные нити. «Откуда?» — хотелось спросить, но сестра не дала ему вставить слова. — Теперь ты сам видишь, как славно я устроилась! Обязательно передай отцу, что у меня все в порядке. А завтра я зайду.

— Ты что, жить здесь будешь?

Сахра фыркнула:

— А ты как думаешь? Вечером тут больше всего народу! Возвращаться ночью через Глиняный город.. как ты там говоришь?

— Неосмотрительно.

— Вот-вот, — усмехнулась сестра. — Кормят сносно, ну и мне кое-что перепадает от здешних харчей.

Джен подошел к окну и выглянул на улицу.

Подступившая ночь укутала переулки Джамаи густосиним покровом. Там, где поперек улиц протянулись пятна света, маслянисто поблескивали сточные канавы.

— Отцу хуже, — помрачнел Джен. — Ссора с ублюдком совсем его подкосила.

— Не ты лекарь, а отец, — в глазах Сахры мелькнул жесткий огонек. — Даже не поднимаясь с постели, уж он-то знает, как себя лечить! Делай, что он говорит, и все.

— Хорошо бы, если так..

Они замолчали. Джен сел на подоконник, опустил голову. Смотреть сестре в глаза не хотелось: Сахра слишком верит в старика, она не поймет.

— Давай говорить начистоту, сестренка, — не выдержал юноша. — Он давно не лекарь. Кабы он не ошибался так часто, Бахри не пошел бы в палату писарей, а судебные приставы не затоптали наш дом. Приходят все новые люди.. и те, что пострадали, и те, кого он вправду вылечил. Все хотят денег. Требуют. Я.. я не знаю, когда это кончится. И что у нас тогда останется.

— Ну же, Джен! Не все так плохо.

— Не все так плохо! — передразнил парень. — Ты не проваживаешь приставов. Не носишься за стариком, который в кои веки понял, что от его лекарств только хуже.

Сахра порывалась заговорить, но Джен помотал головой:
— Я не хотел рассказывать, сестренка. Меня тут соби­рался нанять один богатей. Не лавочник, решивший обучить свою ораву грамоте, а настоящий купец, из Светлого города! Но, когда там узнали, меня вытолкали взащей.

Сглотнув, Джен продолжил, выплескивая накопившуюся муть:

— Эти выродки, которых я учу... они шепчутся за спиной, как будто, если лекарь стар и слаб на ум, он научил меня неправильно писать или считать не так, как все.

Он даже не понял, как это произошло: вот Сахра сидела на подушках — и вот лицо вспыхнуло от жгучей, от всего сердца отвешенной пощечины.

— Не смей говорить, будто он выжил из ума!

Слова так и просились на язык: злые, обвиняющие... Юноша промолчал. Только опустил голову.

— Вот! — Сахра бросилась к подушкам, скомкала и отбросила покрывало, запустила руки в пыль под половицами. — Смотри! — Она высыпала на пол горсть монет разного размера. — Здесь сорок шетитов, пять двойных, из Нагады, и один серебряк!

Девушка с гордостью показала тусклую белую монетку, рисунок на ней почти стерся, захватанный сотнями, если не тысячами пальцев.

— Бери! Тебе ведь они нужны! Для чего я таскалась по харчевням? Ну бери же, чего стоишь? Завтра я заработаю еще.

Джен не слышал. Опустившись на корточки рядом с сестрой, он взял из ее рук серебро, разглядывал вязь вытертых букв. Старая монета, отчеканенная при ас-Джаркалах, наверное, лет сто назад.

— Откуда это у тебя?

— Заработала, — задрала нос Сахра. — За один день. Пока ты возишься с выродками купцов, я...

— Откуда? — повторил юноша. Он с силой сжал ее руку.

— Сюда приходит не только гольтьба, знаешь ли! Дворянчиков тянет, точно медом намазано. Собачьи, петушиные

бои... И в Кобру играют на такие деньги, что нам не снились!

— И девочки стоят недешево, — в тон ей подхватил юноша.

Вдох. Выдох. Сахра молчит. Неужто ей нечего сказать?

— А если и так? Я заработала больше, чем ты, за один день! Одну ночь. Не знаю, как там дальше, а поначалу не слишком плохо.

— Считаешь себя героиней? — скривился Джен.

— Я считаю себя дочерью.

Сестра смотрела ему в глаза, и во взгляде ее не осталось злости, только спокойное упрямство. Джену же впору было взвыть в голос. Он и взвыл бы, встряхнул ее, тряс сколько нужно, чтобы вытрясти дурь, если бы не понимал: станет хуже. Уж он-то знал Сахру достаточно.

— Боги, ты же себя погубишь, сестренка, — выдохнул он.

— Интересно, кто погубит себя раньше: я под крышей, накормленная и одетая, или ты, когда тебя отправят на рудники? Или отец, с лопатой, на рытье каналов?

— Но ты должна понять...

Джен не находил слов. Всегда послушные, податливые, в самый неподходящий миг они его оставили.

— Ты зарабатываешь так, а я иначе, — Сахра пожалла плечами. — Каждый делает это по-своему.

— Ты... ты выбрала неверный путь!

— Неверный? — Девушка рассмеялась. — Что ты об этом знаешь? Неверный путь — это когда нечего есть. Это мертвый отец, которому не закажешь доброго костра. Это когда таскаешься по улицам, а домой вернуться не можешь, потому что в кармане пусто.

То был, верно, страшный сон. И, словно во сне, Джен смотрел, как сестра спускается в общий зал, говорит что-то старику-разносчику. Как за стайкой таких же девушек наблюдает пронырливого вида паренек.

Юноша напрягся, когда темноволосый щеголь в неброском, но несомненно дорогом кафтане подошел к женщинам. Он безразлично миновал ряд шлюх и остановился напротив Сахры.

— ...новенькая? — услышал из своего угла Джен. Сахра негромко отвечала, щеголь расспрашивал, другие девушки перешептывались. Сестра выплыла из «Лотоса» гордо, под руку с незнакомцем, а провожали ее завистливыми взглядами.

То был, верно, сон. Точно волшебную монетку из сказок, Джен тербил серебряк и не помнил, как тот оказался в кармане. Гладил едва различимый лик, в беспамятстве тер вязь иероглифов.

«Упрочившийся в свете, живущий вечно, Первый-в-Круге Аасім ас-Джаркал».

Утро было солнечным и пахло мятой. Как большая часть утр за восемнадцать с лишком лет Джена. Настал Пауни, последний месяц весны, и солнце взошло рано, скользнуло сквозь неплотно прикрытые ставни, позолотило кувшин и таз для умывания с неодинаковым рисунком. Это солнце разбудило его.

А потом парень крепко зажмурился, едва вспомнил вчерашний день.

Джен не знал, как он добрался до дома, как напелл чепуху отцу. Если с утра он оказался в постели, то лишь в силу многолетней привычки. Словно властная рука легла на голову юноши: затылок стиснула головная боль. Ребра еще болели там, где двое громил намяли ему бока, и лишь вмешательство Сахры не позволило им забить его до бесчувствия.

О боги! С нее ведь станется и вправду прийти и притащить еще монет. А он... все, что он может, лишь молчать и смотреть. И представлять холеного хлыща, подмявшего точеную фигурку. Или ублюдку нравится быть снизу? Юноша застонал.

В тот день отпрыски лавочников и ремесленников особенно раздражали, и все же нехотя, неуверенно, но Джен втянулся в рассказ.

— Вы наверняка знаете: до того, как стать Царем Царей, Азас Черный был князем южного из Пяти Пределов.

Юноша не обращал внимания на шепотки и ухмылки. Самым старшим ученикам едва исполнилось четырнадцать

весен: уж конечно, свара за окном интересовала их больше скучных рассказней. Юноша продолжал. Он знал, что стоит прозвучать волшебным словам: «Ночь Лязга» или «битва на Реке Крови» — и будущие плотники, продавцы благоволий и ювелиры начнут слушать сосредоточенно, как внимают словам жреца. А уж он постарается представить жизнь прошлого царя чередой битв и завоеваний.

— А вот кто знает, почему колдуны проиграли?

Класс примолк, девять пар глаз уставились на юношу.

— Наверное... наверное, в Ночь Лязга почти всех перебили?

То был сын продавца тканей, самый младший из собравшихся. Джен только покачал головой.

— Все совсем не так, — мягко ответил юноша. — Совсем. Вельможи никогда не признают, но, по правде, колдуны и не могли взять верх. Так говорят все хроники, сколько их ни есть в храмах. Они вовсе не так сильны, как хотели казаться. Это самая большая тайна колдунов... и самая большая тайна Царя Царей и присных!

Тут уж притихли все — даже те, кто постарше.

— Мой отец, лекарь Зейд, учился в храме Джахата, Небесного Писаря, — издали начал юноша, — и было это как раз после войны. Вот что рассказали тамошние хронисты. Что мы знаем о колдунах? — спросил Джен, обведя класс взглядом. — Мы знаем, что двести лет золотую маску царя надевали чародеи. Колдуны становились вельможами и придворными, рядились в шелка и бархат... Еще мы знаем, что они возводят дворцы и крепости, помогают войскам оберегать рубежи от закованных в металл варваров из Рассветных королевств. Мы знаем, что в стране множество чародеев, и все они могучи и могут больше нас, простых смертных. Так? — Дождавшись нестройного согласия, Джен закончил: — Так они хотят, чтобы мы думали.

Юноша перевел дыхание.

— И колдуны нам почти не лгут. На все Царство их и вправду наберется немало. Чего они не говорят, так это что

большинство — травники, целители и мелкие чародеи. Им не то что дождь призвать.. для них свой дом обогреть в сезон бурь и то большое дело. Конечно, некоторые колдуны были очень могущественны. Другие — просто умны и хитры. Подумайте сами... почему они жаждали власти и титулов? Почему колдуны владели копиями и виноградниками? А потому что их власть опиралась на слуг и золото, а не чары!

— Цари-колдуны очень долго правили, — подозрительно отметил сын ювелира. — Кто-то бы.. ну.. догадался, что они не так сильны.

— Правили. Потому что были царями, а не потому что были колдунами.

Отпрыска ювелира ответ не убедил, и Джен начал пояснять:

— Давай по порядку. По правде-то, после первых трех поистине великих чародеев цари-колдуны были не такими уж властителями. Предпоследний вот совсем мальчишкой. Его занимали стихи, роскошные дворцы и танцовщицы.

По классу пронесся сдавленный смешок. Танцовщицы — это юнцам понятно.

— Он даже колдовское обучение не закончил, — продолжил Джен, — когда скончался от хвори. Но дворцы ему возводили исправно, все новые и новые. И подати за них росли. А вот последний из царей-колдунов, его звали Аасим Хмурый. Он начал войну на востоке. И тут... да просто все совпало: засуха, два неурожайных года и эта война, которая все не заканчивалась... а подати продолжали расти. Вот тогда-то Азас Черный и другие князья провинции подняли восстание. И выяснилось, что вельможи в шелках и бархате не могут воевать! Одно дело сплести мираж, одурманить, а воевать — совсем другое.

— А как же колдуны, что в войске служат? — подал голос сын кузнеца. — Мой отец знал одного такого. — И тут же, поняв, что сказал, мальчик поправился: — Ну, то есть они же не друзьями были. Он сам в войске-то, мой отец... Вот и знал.

— Ты все верно говоришь, — успокоил его Джен. — Так же подумал и Царь Царей. Быстро заключил на востоке мир

и отозвал войско. Но есть и вторая тайна колдунов. Они будто бы... выдыхаются. Вложат в чары слишком много — и валятся без сил. Куда уж тут за меч хвататься? Хронисты пишут, они покидали поле боя в носилках задолго до конца схватки. Да, в битве на Реке Крови они превратили берега в выжженную пустошь, это так. Но и всё! Над дворцами и крепостями работали дюжины чародеев: месяцы, а иногда годы. А собери тех колдунов и выстави против войска — они убьют сотню, две сотни врагов, но третья довершит дело. Колдуны не смогли переломить ход войны. А потом уже начались крестьянские бунты, погромы, и разъяренная толпа сожгла первую обитель чародеев. Это было на юге, в Амáрге. Вот и все. Колдуны не могли победить, какими бы силами ни владели.

В классе вновь воцарилась тишина. По стене ползла кружевная тень растущего под окном дерева.

— Это была жестокая и кровавая война, в следующий раз расскажу о восстании побольше. Но эта тайна — тайна не только колдунов. Ни лучезарный, ни его придворные, бывшие князьки из провинции, а теперь вознесшиеся на самую вершину, — не признают ее, потому что чем больше живописуешь врага, тем больше твоя победа. С тех пор чародеи живут среди нас, но держатся своих обителей и подчиняются эдикту о Правосудии. Потому что помнят...

Занавесившая вход парусина откинулась, и в дверном проеме показался Мázрой, тот ювелир, чьего сына юноша переубеждал.

— ...помнят: нас, простых смертных, всегда больше, — на мгновение запнувшись, продолжил Джен, — и в любой миг мы сметем их обители к песчаным бесам. В последние годы...

Тогда-то ювелир и подал голос. Громко и отчетливо, чтобы перекрыть басом все, что мог сказать юноша, купец рывкнул:

— Довольно! На сегодня закончили.

Джен любил такие мгновения, когда видел, что ученики с сожалением покидают класс. Любил детское любопытство: густое, осязаемое, оно льстило, как оценивающий женский

взгляд. Юноша хотел напомнить, что ювелир может забрать сына, но не остановить урок, когда увидел и других отцов.

— Здесь ваши родители, — обратился Джен к ученикам. — Закончим в следующий раз. Не забудьте, что будет не только история, но и счет.

Взгляд его метнулся к Мазрою. Два, три, пять человек... Все те, что собрались и в складчину наняли сына лекаря, сейчас стояли там, молчаливые и угрюмые, и отчего-то душа у Джена ушла в пятки. Пока дети собирали воощенные дощечки, обрезки пергамента и тушь, юноша застыл в неловкой позе, не зная, куда деть руки. «Сейчас случится что-то очень плохое». Он уже знал это. Равно как знал и что следующего раза не будет.

Отцы ввалились в комнату вслед за ювелиром, стоило последнему ученику покинуть класс.

— Так-так-так... — неприятным голосом сказал купец. — Что тут у нас? Рассказываешь детям про колдунов?

Торговец никогда не нравился Джелу. С его полных губ не сходила липкая, слащавая улыбка. Бордовый изрядно засаленный халат туго натягивался на животе, и говорил толстяк презрительно, чего юноша никак не понимал. Ведь он же сам нанял не жреца, не книжника и даже не писаря! Если презираешь бедняка-учителя — найми другого! Но Мазрой предпочитал краснеть, потеть и поджимать губы, отсчитывая медяки.

— При всем почтении, господин, — как можно любезнее ответил Джен, — детям нужно знать не только счет и грамоту. Достойные учатся при храмах, там рассказывают историю, учат каллиграфии и тому, как складывать слова в поэзию.

— А ты в этом разбираешься не хуже вельмож. Не в пример нам, торгошам, — хмыкнул Мазрой.

— Вовсе нет, господин! — поспешил заверить юноша. — Но вы не станете отрицать, что мой отец образованный человек. Все, чему он меня учил, я передаю вашим детям.

Юноша скользнул взглядом по собравшимся. Торговец тканями прятал глаза. Мастер благовоний сложил на животе

пухлые, нежные, как у его покупательниц, руки и смотрел вдалеку. Кузнец, самый бедный из них, молча разглаживал складки чистой белой галибии. Он не смел показаться в таком обществе, не принарядившись.

Ювелир вытянул губы в трубочку.

— Кто учил твоего отца, мальчик? Бродячий сказитель? Гадальщик? Продавец козлятины с Речного базара?

Юноша вздрогнул, как от пощечины, но смолчал. Он успел вдохнуть и выдохнуть, прежде чем ответить:

— Я рассказал об отце всем, когда вы меня нанимали. Мой дед Зубар был лекарем в дружине Черного Азаса и спас жизнь лучезарному, когда того поразила отравленная стрела. В благодарность он получил вознаграждение и стал целителем здесь, в Джамайе. Моего отца, тоже лекаря, учили жрецы из храма Джахата.

Его прервал смех торговца, похожий на треск грошовой погремушки.

— У меня есть друг, Бахри, он готовит тростниковую бумагу для палаты писарей, — вкрадчиво заговорил купец, и по спине юноши пробежал холодок. Бахри, это имя из самого страшного кошмара. Джен дорого бы дал, чтобы никогда его не слышать. Торговец между тем продолжил:

— Его жена недавно померла от укуса черепной мухи. Ее лечил Зейд, сын Зубара, и, скажу тебе, лечил без толку. Бахри нашел лучших лекарей, и что они ему сказали? Клянись всеми бесами, ему сказали, что толстуху убивает не яд мухи, а лекарства! В гневе мой друг рассказал об этом своим друзьям и узнал, что Зейд лечил старика от болезни живота, и убил его, лечил парня, у которого загнила пораненная нога... твой ублюдок-отец отрезал мальчику ногу, но гниль дошла до сердца и убила его!

К щекам Джена прилила кровь. Отвечать было нечего, и он молчал, слушая, как, переходя на визг, тараторит купец:

— Бахри говорит, у твоего дома толкуются люди! Требуют деньги за убитых! Палата писарей пошлет твоего отца рыть каналы с преступниками! И я должен доверить тебе сына?

«Какой свинье доверял твой отец, когда воспитывал тебя?» — хотелось спросить Джэну. Наверное, он бы даже сказал это. Он потерял заработок, ему опостылел жирдяй, осыпающий больного старика оскорблениями, надоели прячущие глаза родители.

— Господин должен деньги за этот урок, последний, — спокойно произнес юноша, едва торговец умолк.

Он догадывался, что ему не заплатят. Но если у него нет слов в защиту собственного отца, то должен же он отыскать хотя бы денег.

Над головой Джэна голосили вороны. Неряшливые птицы считались спутниками Джахата, бога ученых и мудрецов, и со всей Джамайи слетались на храмовую площадь, где жрецы в плащах из перьев бросали им мясо. Близился Час Пыли, следующий за третьим пополуденным звоном, и уличные торговцы прятались в тени в ожидании вечернего наплыва покупателей.

«Храмовый круг заложен Аасимом ас-Джаркалом, первым из царей-колдунов. Лучезарный сам отмерял землю и проводил дуги и линии. Может, потому-то храмовый круг совсем не круглый», — некогда рассказывал Джэн. И добавлял: «А может, потому, что владыка отмерял площадь в чистом поле, а теперь вокруг нагромоздили зданий».

Парень поморщился, отгоняя воспоминания. Кто знает, когда еще он будет это рассказывать и кто его будет слушать?

Меньше всего Джэну хотелось идти домой, хотя он знал, что именно так и следует поступить. Однако он брел наугад, куда глядят глаза, куда выведут ноги, не особо заботясь, куда его занесет. Тонкие белые иглы колоннады отбрасывали такие же тонкие иглы теней, протянувшиеся по позолоченной солнцем пыли. Казалось, тощие лошади и изнуренные ослы переступают по мерцающей дороге.

Идиот. Трусливый идиот! Не ввязываться в перепалку с торгашом — это хорошее воспитание. Да, как же! Как теперь показаться на глаза Сахре? Как возвращаться к отцу

после всего, что он наговорил, но главное — не сказал и не вытребовал?

Кривые улицы сплетались, уводя все дальше от родных кварталов. Сперва храмы и торговые дома сменились районом старинных зданий и аллей, что пролегали меж особняками богатых, но незнатных горожан. Старый город был так тесен, что казалось, здесь нечем дышать. Джен почти обрадовался, когда вдоль улицы потянулся запах хлеба. Юноша ускорил шаг в надежде проскочить Мучной квартал, где располагались харчевни, чайные дома и продуктовые лавки. Сегодня за пазухой не звенела мелочь, и он не мог, как прежде, зайти по пути домой в харчевню.

За Мучным кварталом дорога уходила вниз, и Джен не заметил, когда в лицо дохнуло рыбой, запахом водорослей и дегтя. Речной базар раскрыл непритязательные объятия, он принимал всех: и тех, кому не хватало денег на краюху хлеба, и посланцев из белокаменных дворцов по ту сторону реки.

Будто нарочно, мысли возвращались к мигу, когда Мазрой выплюнул:

— Ты свободен.

Парень не двинулся с места, и купец крикнул:

— Мы с тобой закончили! Убирайся!

Больней всего ранили не слова, а то, что в глубине души юноша понимал ювелира. Будь у Джена деньги, он бы и сам так поступил. Одно дело, если не можешь похвалиться именем известного книжника, и другое — скрывать, кто учит твоих детей. Конечно, он прогнал бы сам себя. Тут даже спорить не о чем! «Дурак... дурак! — твердил Джен. — Меньше бы разглагольствовал о царях с колдунами — мог бы стать незаменимым наставником! Научил бы писать вязью быстро, как секретари в палате писарей. Рассказал, как складывать в уме большие числа. Как бы они отказались от тебя? Хотя бы ты сам пробирался к больным и душил удавкой».

Широкая, с достоинством несущая мутные воды река успокаивала. Пьяные крики, ругань, матросский смех — все

осталось в другом мире, а в этом был прохладный речной воздух, который так приятно глотать пересохшим горлом.

«Дурак...» — напоследок повторил юноша, дойдя до последнего пирса, где заборы и склады преградили дорогу. Вздохнув, он опустился на край причала и свесил ноги. На воде плавали маслянистые пятна, меж ними отражались подошвы его сандалий и худое скуластое лицо под восторженными черными кудрями. Глаза, в жизни теплые, карие и задорные, там, в воде, казались черными провалами.

Должно быть, он задремал, прислонившись спиной к нагретому солнцем кнехту, потому что следующее, что он услышал, было:

— Пошел вон, попрошайка! Убирайся!

Над ним стоял бородастый мужик в зеленом халате, уже отведя ногу для хорошего пинка. За спиной незнакомца покоился на плечах носильщиков паланкин. Пока, слава богам, пустой — не хватало еще перейти дорогу достойному.

Вскочив на ноги, Джен хотел поклониться, но увидел, что ругательства застряли в глотке распорядителя. Лицо бородача скривилось, словно тот надкусил незрелый лимон, взгляд его метнулся поверх плеча юноши.

Джен обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как навстречу идет широкоплечий человек в черном. Юноша не успел его как следует разглядеть, лишь на мгновение в лицо пахнуло терпким запахом благовоний. Проходя мимо, вельможа положил Джелу руку на плечо, словно говоря: «Все в порядке, он мне не помешал», — и вот он удаляется, и все, что можно увидеть, — черные одежды и стянутые в косу темные волосы. Бородач-распорядитель угодливо семенит следом, расторопные слуги поспешили опустить носилки.

Еще не сбросив оковы дремы, Джен наблюдал, как паланкин тронулся в путь, а вровень с ним бежали выраженные, как на парад, охранники. Юноша обернулся к реке — и сонная одурь мигом выветрилась из головы. Зачем угадывать эмблему на вымпеле быстроходной галеры? Знамя было

черным. В последние двадцать лет знамя этого цвета поднимали самые близкие к царской семье люди.

Черное знамя Азаса.

«Стоило вернуться пораньше», — подумал юноша, едва увидев родную калитку. А ну как Сахра приходила и снова сбежала в свой притон?

В крохотном дворике в последнее время росли два чахлых тамариска: ни цветов, ни лекарственных трав. Джен преодолел его бегом и, ворвавшись в дом, прислушался, не раздастся ли звонкий голос сестры. Тихо, душно и полутемно, только гудит сонный шмель. Сердце юноши упало. Но было и малодушное облегчение: Сахры нет, а значит, объяснения откладываются на потом.

Он нашел отца в задней комнате, отгороженной цветастой льняной занавеской. Лежа на широкой скамье, старик читал. Кислый запах болезни пропитал все щели в бывшей мастерской, и Джен первым делом кинулся раскрывать ставни. Только когда снопы закатного света упали на порядком выцветшую бумагу, старик заметил сына.

— Как ты? — глухо поинтересовался Джен.

— Лучше. Гораздо лучше, — отец беззубо улыбнулся. — Чувствую, скоро смогу вернуться к делу.

Юноша отвернулся. Посмотришь на старика — обычный человек, разве что отощал совсем... а потом ляпнет такое, что впору хвататься за голову. Иногда отец не узнавал Джена, ночами вскрикивал от одному ему ведомых кошмаров, а днем прогонял сына, складывая пальцы в жест защиты от зла. Чаще всего он звал мать и удивлялся, почему та не приходит. Поначалу парень еще напоминал, что мать умерла, но вскоре понял, что толку никакого, а потому отвечал наобум или отмалчивался. Старик мог накричать, но чаще успокаивался, словно позабыв, о чем спрашивал.

— Это хорошо, — пробубнил Джен. — Дело — это очень хорошо.

В прошлой жизни, когда была жива мать, чудака и мечтателя Зейда решил, что ему нужен очаг для зелий, и потому мастерская его будет располагаться на кухне, и жить он станет там же. Поэтому парень мог, не отходя от больного, крошить овощи, чистить рыбу и краем уха слушать трескотню отца.

Тот вещал о веках до Завоевания, о джунглях и иноземных богах. Джен кивал и поддакивал. Он давно понял, что старик умирает, и каждый вечер честно слушал все, какую бы ерунду тот ни плел. Он пытался рассказать отцу новости, спорил и нередко засыпал прямо здесь же, на полу подле ложа. По сути, вся его жизнь — его и Сахры — свелась к тому, чтобы выстроить иллюзию спокойного угасания. Будто старик, не запнувшись, прошел отмеренный путь и теперь может откинуться на подушки и отправиться в странствие по миру теней.

— Как дела у Сахры? — спросил Джен, наблюдая, как отец ест. Старик с достоинством проглотил и лишь тогда ответил:

— Откуда мне знать? Я ее неделю не видел.

— Ты уверен? Она собиралась сегодня зайти.

— Может, я стар и слаб, но не выжил из ума, — сварливо откликнулся отец и вновь принялся за еду. — Кстати, вкусно. Твоя мать и то готовила похуже.

Юноша опустил голову, чтобы не выдать страх. От него не ускользнуло отцовское «готовила» — значит, старик в ясном уме. И, стало быть, Сахра вправду не приходила.

— Хорошо... — задумчиво протянул отец, отставив пустую миску. — Кабы не этот Бахри, было бы вовсе чудесно.

Парень вздрогнул, вновь услышав ненавистное имя. Похоже, отец чувствует себя не плохо, а прекрасно. Если тот и вспоминал изредка, кто разрушил их прежнюю жизнь, то с такой злобой, что Джену становилось не по себе.

— Скоро ты вернешься к делам, и тогда он заткнется! — пообещал юноша.

— Мы ведь наскребли денег на подарок? Судья доволен? Больше не будет разбирательств? — Зейд засыпал парня вопросами, но, услышав ответы, вытянулся на постели и зачем-то повторил: — Хорошо.

Джен молчал. Через окно доносилось дыхание большого города: крики зазывал, лай уличных псов, обрывки песен. Между тем мысли юноши неслись вскачь.

«Что ж ты делаешь, Сахра?» Это последние дни, когда можно посидеть с отцом, перекинуться парой слов. Каждый день последний! Он не может вот так, запросто, вскочить и отправиться на поиски. Нельзя беспокоить старика.

«Дура. Волоокая дура! Ты должна знать, что бордель — не просто неприятно, но и опасно! Клыки Мертвого бога, во что ты вляпалась?»

Словно в насмешку над его метаниями, старик вновь заговорил: так же протяжно и устало. Высоко подняв голову, он царственно возлежал на скамье, будто его окружали не пляшущие по стенам тени, а придворные, что прислушиваются к каждому слову.

— Это хорошо, что вы такие разные. Я имею в виду, ты и Сахра. Не спорь. Ты слишком уж похож на меня. Сахра будет отрезвлять тебя время от времени.

Должно быть, глаза юноши выдали удивление, потому что старик вздохнул, вынужденный разжевывать очевидное.

— Я всю жизнь считал, что мне здесь не место. У твоего деда было золото, и он немало на меня потратил. Пусть никто не называл меня достойным, я знал, что вот здесь, — он постучал по лбу сухим тонким пальцем, — у меня не меньше, чем у любого вельможи. А то и побольше, чем у некоторых. Я был тихим, спокойным... почти как ты. Я смотрел на торговщицу и думал: боги, ну почему я родился в семье лекаря?

— Да мне это и не нужно было, — старик сомкнул пальцы на ладони сына и слегка подался вперед. — Иначе, поверь, ты бы не здесь сидел, а в Старом городе! У меня водились деньги, я разъезжал по храмам и покупал свитки и книги. Я осел-то, лишь когда встретил твою мать. Но и тогда упрямым, и некому было меня разбудить. Чего уж... я все растратил. Береги Сахру, иначе закончишь, как я.

«Береги Сахру, как же! Для начала она должна изредка ко мне прислушиваться». Отец успокоился, сжимавшая руку юноши ладонь разжалась.

— Я запомню, — тихо произнес Джен, глядя в окно.

В небо над улицами выкатилась полная чванливая луна. Юноше вдруг стало ужасно одиноко рядом с отцом. Сахра была далеко, за полгорода отсюда. Старик же, пожалуй, сбежал и того дальше, блуждая в туманах своего мира грез. Сунув руку в карман, Джен сжал серебряный кедёт, единственную нить между ним и сестрой. «Упрочившийся в свете, живущий вечно, Первый-в-Круге Аасим ас-Джаркал».

— Я обязательно запомню! — серьезно пообещал Джен, возвращаясь мыслями в тускло освещенную комнатку. И закусил губу.

Старик обессиленно откинулся на подушки и прикрыл глаза. Рот его приоткрылся, словно во сне. Спустя пару ударов сердца юноша решился коснуться его шеи, пощупать пульс. Зачем-то схватил дряблую руку, начал растирать. Как будто это могло помочь.

— Не уходи, отец, — все твердил парень. — Ну же, возьми тебя бесы! Ты ведь живой, живой, живой...

Потом он просто прижал старика к себе. Нечесаная седая борода щекотала шею, глаза горели. Сидя на краю постели, Джен раскачивался взад и вперед, вперед и назад, обнимая отца, баюкая, точно маленького ребенка.

— Ведь ты живой, папа... Ты живой.

Вот только Зейд, сын Зубара, уже не мог ответить.

2

Джамайя, Светлый город, 10-е месяца Пауни

— Боги воплотились в вас, мудрый!

Сáмер улыбнулся и вслед за распорядителем ложи торговцев склонился в поклоне. Но, стоило дверям закрыться, улыбка сползла с его лица. Верховный маг пнул расшитую яркими цветами подушку.

Во-первых, ритуальная фраза служила приветствием чародеев, а не прощанием, но что возьмешь с торгаша? Эта ошибка была забавной, в другой обстановке она повеселила бы Самера, но оставалось «во-вторых»: чиновник знал о его поездке больше, чем следовало.

Быстро же они! А ведь он едва приехал. В сущности, чародей еще осматривал отведенный ему покой, когда в дверях появился охранник. «От имени купцов города... поприветствовать в Джамайе...»

Вот уж приветствие так приветствие!

Ему отвели просторный дом на Дороге Богов, и с террасы открывалось зрелище, которое в самом деле стоило увидеть. Широкий, мощный алым камнем тракт тянулся меж двумя рядами статуй. Некоторые имели человеческие черты, другие были людьми с птичьими и звериными головами, а иные и вовсе напоминали чудищ. Скульптор высек в камне каждого божка и духа, что почитались в этих краях.

Несмотря на сумерки, на Дороге Богов толпились люди: продавцы украшений, слуги, стража, паланкины богачей. Конечно, это не толчея столичных рынков, но тоже немало. Встречались здесь и чужаки. Южане из давно потерянных провинций — в кричаще ярких одеждах и высоких шапках. Варвары из Рассветных королевств — светловолосые и бледные. Кто бы ни стоял за кровавым происшествием в обители чародеев, он выбрал место правильно. Затеряться в Джамайе легче легкого.

Должно быть, он слишком увлекся — Самер не слышал шагов и вздрогнул от звуков голоса:

— Как вам джамайское гостеприимство, мудрый?

Округлый говор, правильные интонации — лишь гортанное «р» выдавало уроженца островов. Верховный обернулся к чернокожему капитану.

— Сказал бы, но без ругани не выйдет.

— О Джамайе только и говорить, что на языке трущоб, — Нда́фа пожал массивными плечами. — Но я не смею: и вы, и ваш батюшка годами учили меня манерам.

— Настанет день, когда ты меня превзойдешь. Ладно. Что ты узнал?

— Немного. Горожане ничего не знают. Сами понимаете: я не расспрашивал, просто ходил и прислушивался. И ничего.

— Как держат себя маги?

— Маги не толкуются в базарной толпе. Особенно теперь, — полные губы Ндафы изогнулись в ухмылке. — Наверное, сидят в обители и ждут. Как нашкодившие дети.

Самер фыркнул.

— Пока ты прислушивался, ко мне пришел гость из ложи торговцев. Говорит, я первый Верховный, посетивший их славный город. Заверил, как счастливы меня принять... — Ндафа сдвинул брови, и чародей кивнул: — Правильно хмуришься. Дальше он начал меня расспрашивать. Осторожно. Но купцы все знают. Слухи просочились за стены обители.

— Может, так оно и должно быть, — проговорил капитан. — Джамайя небольшой город, за пару дней слухи дойдут и до базаров.

— Наверное, — невесело согласился Самер. — Уладить по-тихому уже не получится.

— Давайте не будем загадывать, мудрый.

— Я не загадываю. Но ты должен знать об этом, потому и рассказываю.

Ндафа молча поклонился и направился к двери, однако в последний миг остановился.

— Думаю, вот что интересно. О чем в харчевнях толкуют, так это о вашем приезде. Чего я только не слышал! Что вы прижмете к ногтю местных колдунов. Что вы продались за золото здешних купчиков и проворачиваете для них дела. Нет, говорят третьи, Верховный колдун-то — давний друг Царя Царей, да продлятся его годы. Если он чьи дела и проворачивает, то лучезарного.

— Даже так? — Самер склонил голову набок.

— Вот и я решил, что вам понравится.

Еще раз поклонившись, капитан вышел и притворил за собой двери.

Значит, и эти слухи начали ходить. Что ж, этого следовало ожидать. Закусив губы, чародей устремил взгляд вдаль.

Неприятность в обители чародеев, так говорил распорядитель ложи. Так можно сказать о нерадивом челядинце или захворавшем родственнике, да и то о дальнем. Понимал ли чиновник, что неприятность джамайских магов — не просто преступление и не жестокое убийство шлюх и нищих?

Купцам-то какое дело до магов, чего может хотеть денежный мешок? Поторговаться с Кругом, запустить руку в дела обители? Самер дошел до того, что задумался: может, и бедняк на причале оказался там неспроста? Например, дожидался прибытия галеры, чтобы доложить, кому следует?

Чародей бросил взгляд вдаль, где восходящая луна вычертила силуэт башен обители. Не копыя — колья, поджидающие неосторожного. «Они ждут меня», — внезапно понял маг.

Эту мысль он отогнал подальше.

Самер смутно помнил день, когда увидел Царя Царей впервые. К наставнику прислали мальчика с глубоко посаженными глазами и неловкой походкой человека, вымахавшего на локоть за последний год. Старик тогда поклонился, да и поздоровался необычно: слишком любезно для простого ученика. Лицо учителя, грубое, как лики статуй в деревенских храмах, редко бывало приветливым, и Самера это заинтересовало.

Прошло несколько дней, пока он осмелился подступить с расспросами.

Поначалу наставник на него наорал. Даже кулаком по столу грохнул. Но Самер назубок выучил повадки старого Газвана и просто ждал.

— Возьми тебя Бездна! Ианад ас-Абъязид, сын узурпатора. Ну что, доволен теперь?

Воцарилось молчание. Даром что юнец, Самер понимал, какое признание вытянул, а вытянув, не знал, что с ним делать. Наставник нарушил тягостную тишину:

— Это воля самого Черного Азаса.

Их класс был пустой голой комнатой, в которой стоял грубый стол и две тяжеловесные скамьи. «Все прочее ты можешь ненароком разрушить», — говорил старик. Юношу здесь знобило, и по полу тянул сквозняк, но мурашки по спине у Самера бежали не от холода.

— Узурпатор... свергший царей-чародеев... захотел сделать наследника магом?

Будь он понаглее, отметил бы: «И почему я не удивлен?» Да нет, непременно бы отметил, но наставник заговорил прежде, чем он успел открыть рот:

— А если и так? Ведь нам же с того сплошная польза! Впрочем, Дара у мальчишки нет.

— Это еще хуже! — горячо воскликнул Самер. — Он никогда не станет одним из нас! А все, что узнает, обратит против Круга.

— Ты еще поучи меня, — едко заметил старик. Потом скривился: — Не знаю, не знаю... Может, узурпатор так и хотел. Но ведь это такой случай, понимаешь? Мы сможем повлиять на мальчика.

— Почему... почему вы мне все рассказали?

— Так ведь это не тайна никакая. Ну да, я не показываю его кому попало. Горячих голов у нас полно. Но высшие чародеи единогласно решили. Для них это не тайна, да и ты... вроде не так глуп, как хочешь казаться. Пойми, такой случай выпадает раз в поколение. После всего, что пережил Круг, это подарок судьбы. Понимаешь?

Нет, Самер не понимал. Не раз и не два он слышал истории о резне в Амарре, Сакáре, Ктуре, когда магов выволакивали из кроватей посреди ночи, а судили их нищие и пьяницы, набранные тут же, под зарево пожаров и крики «Азас!» и «Смерть!». В общем, чтобы возненавидеть выродка, у Самера было довольно поводов.

Во второй раз он столкнулся с владыкой спустя годы, натро после того, как маги назвали его Первым-в-Круге.

Начавшаяся по календарю весна еще вступала в права. В сером небе громоздились тучи, словно сезон бурь и не

заканчивался. Во дворец его не привезли даже — доставили, и стоило ему выбраться из носилок, припустил мелкий холодный дождь.

«Хорошее же знамение!» — помнится, подумал маг.

Несмотря на непогоду, первый внутренний двор отнюдь не пустовал: чиновники и гонцы спешили, не обращая внимания на морось. Сопровождавшие вельмож слуги несли промасленные пергаментные зонтики и фонари из цветного стекла. Самер впервые был во дворце и хотел получше все рассмотреть, но его спешно увлекли в лабиринт проходов и галерей, пока не вывели в садик, такой заросший, что чародей и не подумал бы, что здесь такие водятся.

— Самер сар-Алай, Первый-в-Круге и Верховный маг! — возвестил одетый в черное евнух.

Ответом ему была тишина. Или, может, дождь поглотил все звуки?

— Прошу, мудрый, — охранник говорил вежливо, но коснулся плеча чародея, недвусмысленно показывая, что ему следует идти. — Лучезарный ждет.

Да уж, не такого представления двору он ожидал. Но выбирать не приходилось. Маг думал, его ждет собрание: молодой царь редко появлялся на людях без советников, но владыка был один. Без маски, тот сидел в окружении трех жаровен, и красноватый свет бросал на его лицо диковинные тени.

— Мир вашему дому...

Владыка пресек его на середине фразы:

— Прошу тебя, садись. У меня тут вино, чай и булочки с пальмовым сахаром. Советую начать с чая, по погоде. Я бы и сам не отказался.

Интересно. Чем дружелюбнее тон, тем меньше маг ему верил. Тем не менее взялся за тяжелый глиняный чайник, разливая дымящийся настой.

— Ты, верно, думаешь: что это владыка учудил? — Царь Царей неопределенно взмахнул рукой. — А еще тебе вряд ли нравится, как дворцовая стража явилась в обитель и без объяснений увезла Первого. Ну как, я угадал?

— Нового Верховного всегда представляют двору, — осторожно ответил чародей. Он опустился в плетеное кресло напротив. — На самом деле я ждал, что меня вызовут, лучезарный.

Юноша улыбнулся и указал на стоящие меж ними блюда с пирогами и прочей выпечкой. Точь-в-точь гостеприимный хозяин. Впечатление портил острый взгляд: Царь Царей буквально впился в лицо собеседника, словно надеясь прочесть на нем мысли мага.

— Ианад, — проговорил владыка. — Давай на один звон обойдемся без «мудрых» с «лучезарными». Попробуем. Ианад и Самер, идет? Кажется, старик звал тебя Сай.

Чародей молча кивнул. Разговор вился, как тропинка в джунглях, и уводил все глубже в дебри. Разумней всего пока помалкивать.

— Ну вот и славно. А меня он звал Надж. Беда в том, Сай, что я не смогу поговорить потом, отсюда и спешка. У меня утекает отпущенное время, поэтому я возьму быка за рога. Я хочу предложить тебе сделку.

Самер бросил взгляд в сырую мглу за пределами беседки. Он вдруг понял, что земля усыпана старой листвой и сухими ветками, подойти к ним бесшумно невозможно. Тень мокрых ветвей надежно укрыла собеседников от посторонних глаз, а дождь шумел и смеялся, скрадывая голоса. Ему все меньше нравились и сад, и разговор, но царь ждал ответа, и чародей разлепил губы:

— Ваш отец договаривался с Кругом, когда взошел на трон. Смута закончилась. Я выслушаю все, хотя не обещаю, что стану заключать сделки.

Владыка... нет, Ианад без стеснения разглядывал мага. Царь бесовски повзрослел за эти годы: некогда детское лицо похудело и вытянулось, прямой нос заострился, а вокруг полных губ залегли напряженные складки. Проклятье, а ведь он даже не молодой мужчина... всего семнадцать, почти ребенок. Видно, престол и впрямь старит. Престол — и еще особый воздух дворца.

— Яйца Шеххана! — совсем не по-царски выдохнул вдруг Ианад. — Мы оба ждем подвоха, так? Я хочу понять, стоит ли начинать, а ты ждешь, чтобы я первым подставился. Ходим вокруг да около. А время идет.

— Старик бы рявкнул и приказал говорить, — усмехнулся маг, и Царь Царей вернул улыбку:

— Хотя сам был хитрющим старым шакалом. Ладно, слушай. Сделка очень простая. Мне нужны твой Дар и твоя поддержка. Я хочу вернуть трон. Взамен приложу все усилия, чтобы облегчить, а затем вовсе отменить эдикт о Правосудии. Вам ведь это нужно? Я помню уроки старика. Признайся, маги грезят о былой свободе!

Самер не принял приглашения порассуждать о Круге. Вместо этого он переспросил:

— Вернуть трон?

— Вернее, даже «получить», — юноша облизнул губы. — Я.. не скажу про все Царство, но что говорят в столице, знаю. Новый царь еще так молод! Он недавно вступил в полную власть, мог наварить варева, но нет, он полагается на мудрых и опытных вельмож. Так вот, все не так. Я не полагаюсь, я вовсе ничем не управляю. Вообще. Или не так говорят? Скажешь, я не прав?

Конечно, признаваться вслух не стоило, но юноша не ошибся. В Круге говорили, что в Царстве правят три сановника, а вовсе не мальчик в золотой маске. И все же что ему сказать?

— Прошло... — Первый примолк, подсчитывая в уме, — семь месяцев, как вы вступили в возраст. Даже самая полная власть не приходит сразу. И положи руку на сердце, вы и впрямь молоды.

— Ты, — поправил Ианад. — Мы договорились, а звона не прошло.

Все было как тогда, почти как в те времена, когда оба учились у сварливого старого мага. Но царская маска, даже снятая, не исчезла. Точно призрак, она незримо присутствовала в беседе, повисла между ними в воздухе.

— Хорошо, ты, — скрепя сердце чародей кивнул. — И в самом деле молод.

Царь Царей помедлил, словно колеблясь.

— Ладно, попробую иначе. Проклятье, вот за что ни возьмись, все упирается в отца! — Он даже ладонью хлопнул по тростниковому подлокотнику. — Как будто до него ничего не было!

Самер развел руками. Впрочем, Ианад не заметил.

— Отец... подбирал странных людей, видишь ли. Заключение странных союзы. Может, это из-за восстания: когда тебя поджарят, если только поймают, знаешь, не до щепетильности. Но и после... жрецы-фанатики, жадные до власти владетели, таков был его двор. Может, они всегда здесь были? Не важно, кто носит маску, как сменяются цари, такие люди никуда не денутся, ведь это столица. Не знаю, — скривился юноша. — Пока отец был силен и здоров, он держал всех в кулаке. Но когда ослаб... ты сам помнишь.

Да, Самер помнил. «Как сел на трон, так же с него и слез», — говорили в Круге. Черный Азас засел во дворце на долгие семнадцать лет, и за пару лун сладкая хворь свела его в костер. Самер был учеником, когда столица погрузилась в хаос: вельможи Царства выясняли, кому быть опекуном царевича.

Ианад, конечно, тоже вспомнил те дни. Он встал и отошел ко входу, вцепился в по-зимнему костистые плети винограда, точно вымещая на них злость.

— До семнадцати моим соправителем должен был стать Мауз, смотритель казны. Наш старик на него рассчитывал, оттого и поддержал. Уверен, они заключили сделку, которую я сейчас предлагаю тебе, иначе с чего бы меня учили магии?

— Царь Мауз умер, — заметил чародей, задумчиво глядя на владыку.

— Мауз? Его убили. Хорошо хоть учитель не видел! Старый шакал ушел в мир теней, думая, что обстригал все, что мог, что теперь и в Круге, и во дворце все пойдет как по маслу.

— Кто убил?

Ианад досадливо взмахнул рукой.

— Я не скажу, кто именно убил. Могу сказать, кто возвысился в считанные дни. Любезный дядюшка Улам, — начал он загибать пальцы, — князь нашего родового предела. Достойный Гардúш, дальний родич старой царицы. И Мизрах, сын прежнего высокого судьи. После кончины соправителя они стали моими опекунами и вручили себе посты советников Железного, Золотого и Бумажного дворов.

— Ты просто перечисляешь влиятельных сановников, — с невозмутимым видом сказал Самер.

— погоди, я дальше расскажу. Это было пару лет назад, и я не сразу понял... просто однажды заметил, что мне никто не подчиняется. Даже слуги. Либо переспрашивают опекунов, либо выполняют, но докладывают. Я начал искать союзников и, знаешь, нашел много отзывчивых людей. Шутка ли, внимание Царя Царей! Пока мысли, которые я поверил старшему жрецу Великой Матери, не дошли до советников. Ну да, я хлопнул себя по лбу. Ясней ясного, искатели царской милости... они еще усердней ищут милость тех, кто действительно правит. Есть и те, кто готов поддержать меня, именно меня! Но как я их распознаю, со сколькими обожгусь? Я задумался, кому могу верить, и насчитал пятерых человек. Конюха, кормилицу и служанку матери отбросил сразу. Учитель истории умер. Не знаю, может, что и сам...

Юноша умолк, собираясь с мыслями.

— Пока что это четверо, — подсказал маг.

— У меня был старший друг. Вернее, Чедда назначили мне в товарищи, еще отец. Он из древней и надежной семьи, мы вместе учились верховой езде и бою. Как только я вступил в возраст, то тут же назвал его хлыстом столичной дружины. Глупец, я надеялся получить верные мне мечи. Он упал с лошади и сломал шею через две недели. Даже слуги во дворце сменились: кто уехал, кого поймали на краже... ну, ты понимаешь.

— Теперь ты Царь Царей, а они не опекуны. Всего лишь советники.

— Войска, казны и судов, — закончил Ианад. — Все прочее они тоже прибрали к рукам.

— Их можно снять. Просто выйди к народу. Вот увидишь, как...

— Да кто меня пустит? — всплеснул руками юноша. — Кто? Ты хоть знаешь, чего мне стоил этот разговор? Меня повсюду сопровождают восемь воинов. Четверо валяются в ноги: лучезарный, умоляем вас не идти. А еще четверо — загораживают проход. Лучезарный, режьте, казните, четвертуйте нас, но только мы не пустим!

Воцарилось молчание.

— Если со мной что случится, — уже спокойнее заговорил Ианад, — золотую маску наденут на дядю. Я даже гадал, почему не случилось-то, как они дотянули? Думаю, это потому, что их трое, а такой... поворот... разрушит их понимание напрочь...

Царь Царей вздохнул.

— Ну и вельможи тоже... они бы не проглотили. Ты пойми: все знают, что страной правит эта троица, за меня никто пальцем не шевельнет! К этому все привыкли. Но если один еще и станет царем, это будет через край. На месте советников я бы боялся перегнуть палку.

Самер молчал, не зная, что возразить.

— Не будь это глупо, я решил бы, что меня втягивают в разговор, — проговорил маг.

— А вербует заговорщиков сам Царь Царей, — юноша невесело рассмеялся.

— И ты решил, что можно верить мне?

— Старик... скажем, лестно о тебе отзывался, — Ианад пожал плечами. — Да, это было давно, а люди меняются, но у меня нет выбора. Да будь я проклят, ничего ведь не теряю!

— И что мне мешает отправиться к дядюшке?

— Попробуй, — владыка нехорошо усмехнулся. — Например, Мизрах ненавидит магов еще сильнее отца.

Сквозь дождь пробился голос гонга в святилище Атáмы, бога времени. Ианад скрестил на груди руки.

— Мое время кончается, мне нужно знать определенно. Да или нет?

— Из меня... выйдет плохой союзник, — решил на откровенность Самер. — Мой Дар силен, старик говорил, сильнейший за несколько поколений. Но Дар — еще не все. Высшие чародеи сошлись на маге без сторонников, чтобы не рисковать, а выдающийся Дар — всего лишь повод объяснить свой выбор. Мы в равном положении.

— У Первого-в-Круге развязаны руки, — отрезал Ианад. — Да или нет?

Чтобы потянуть время, Самер пригубил позабытый чай. В наступившей тишине пиала негромко звякнула о чеканный серебряный поднос.

Предложение было жестом отчаяния, а не западней — единственное, в чем маг не сомневался. В остальном же... Подставит он под удар весь Круг или найдет друга в так и так надвигающейся схватке? Насколько способен юноша, в свои-то годы: жизнь потрепала его и кое-чему научила, но выплывет он или потянет за собой на дно всех?

А главное, что это значит для него: не Верховного и не чародея, а Самера из рода Алаев, перевалившего за тридцать, из-за Дара лишенного всего, что он мог унаследовать?

— Ну так что, да или нет? — в третий раз спросил владыка. На сей раз маг ответил.

— Ндафа? — глухо позвал Верховный. В свете факелов на шторки паланкина легла угловатая тень капитана. — Долго там еще?

— Квартала три-четыре, мудрый.

Самер сжал зубы, не давая стону сорваться с губ. Голова раскалывалась. Мерное покачивание носилок растревожило боль, пульсирующую по ту сторону глазных яблок. Над шпильями обители повисло невидимое, но оттого не менее зловонное облако выплеснутой на город силы — подобно монстру, вздернутому на пики.

Этого-то Самер и боялся.

Он догадывался, что чем ближе к месту преступления, тем хуже будет, в самом же обителище магов боль грозила стать невыносимой. Но он должен видеть собственными глазами! Сегодня. Несмотря на поздний час. От расследования будет мало проку, если он не поторопится и о происшествии начнут судачить на каждой площади.

Глава обители ждала Верховного на ступенях своей вотчины. Едва Первый-в-Круге ступил наземь, она опустилась на колени и коснулась лбом каменных плит.

— Боги воплотились.. — пробубнила чародейка сухим надтреснутым голосом, не то мостовой, не то пыли, но точно не Самеру. Она была седой и согбенной, будто бремя власти склонило ее к земле, и, когда она говорила, казалось, кто-то водит клинком по старому трухлявому дереву.

Маг понимал, что на самом деле это не приветствие и не знак почтения — скорее, покаяние, но виски ныли так, что впору завывать, и Самер не сдержался:

— Простирания ниц вышли из моды, Хоран. Вместе с ас-Джаркалами, — ну вот, он начал с резкости. Верховный постарался сгладить тон: — Прошу тебя, вставай! Я, может, и стал Первым-в-Круге, но всего две луны назад. Я не привык, что мне кланяются старшие.

Она медленно поднялась, опираясь на протянутые руки.

— Когда мы узнали, что ритуальные убийства совершались здесь, прямо в нашем доме, все были не в себе. Наговорили друг другу глупостей. Я вас понимаю, Первый. Пойдемте же.

По широкой лестнице они вскарабкались в молчании. Лишь когда двери обители сомкнулись за ними, Самер спросил:

— Есть что новое? Что-то, что мне нужно знать?

Хоран посмотрела на него печальными выцветшими глазами.

— Должно быть, нет. Разве что ложа торговцев начала выпытывать, что происходит.

— Это я уже знаю. Очень не вовремя!

— Обитель не страшится торгашей.

— Боюсь, их не интересует, чего мы боимся, а чего нет.

После душевной ночи в обители было зябко. Просторные коридоры и проходы пустовали, в нишах скрывались статуи царей и завоевателей, которых успели позабыть везде, кроме этих стен.

— В последние годы нас совсем немного, — проговорила Хоран, заметив любопытство Верховного. — Все больше магов стремятся попасть в столицу. Первое время там было безопаснее: мы боялись, что в провинции повторится резня. А после смерти Черного Азаса заговорили, будто юный наследник и царь Мауз благоволят Кругу. Молодые и способные едут туда, где больше надежд и краше будущность... Я помню, как здесь звенели голоса, Первый! Главой обители в те годы сидел брат самого лучезарного. Я была молода, много смеялась, а по ночам мы бродили вдоль набережных. Огни фонарей отражались в воде, как цветные бусы.

Морщины на ее лице стали глубже, и чародейка шумно вздохнула.

— Прошу меня простить, мудрый. Я уже не та бойкая женщина и все чаще живу минувшим. Наверное, преступники воспользовались тем, что нас мало. Столько помещений пустует, уследить за всеми невозможно. А вот мы и пришли.

Они добрались до просторной комнаты с окнами на реку. Низкий столик на гнутых ножках подобострастно присел меж креслами, свет колдовских огней играл на корешках книг в кожаных, парчовых и деревянных переплетах.

— Расскажи все, от начала и до конца, — попросил Верховный, устраиваясь в кресле. — Не забудь и то, о чем не сказала во время Зова.

— Я ничего не укрывала, — Хоран потянула за старый шелковый шнурок, призывая слуг, — хотя подробности могла запомнить. Но я готова говорить часами, если это может, мудрый! Для нас это был такой удар...

Утомленный ее размеренной речью, Первый невольно намурился. Чародейка это заметила и сразу перешла к делу.

— То, что делали преступники, называется «кормлением кровью». Или нечто близкое, я не скажу наверняка. Все знают, что в миг смерти происходит выброс силы, и вовсе

лишенный сердца маг мог бы ее использовать. Говорят, за морем, в закатных землях, древние колдуны пили силу и кровь своих жертв. Не знаю... в хрониках пишут, в годы Царя Царей Версивара Царство пришло на Благодатные берега, и тогда там были запрещены древние и кровавые ритуалы. Что именно умели варварские чародеи, сейчас уже никто не знает. Старое Царство рухнуло, провинции потеряны, а хроники похожи на легенды.

Хоран умолкла, стоило в кабинете появиться слугам. Двое юношей с мягкими движениями подложили под спины собеседников подушки и расставили фаянсовые чаши, кувшин с вином и сласти.

— Я перечитал, что нашел про кормление, и кое-что мне рассказывал наставник, — едва слуги скрылись, Самер кивнул. — Если убить человека, ты поймаешь слабую тень силы, большая часть просто рассеется.

— Потому я и говорю, что не уверена. Если под рукой нет загона рабов... — Старуха повела плечами, не закончив.

— Как это произошло?

— Совершенно случайно, — Хоран уставилась в пространство. — Я сама просила о помощи старших чародеев, нужно было очистить с полдюжины помещений. Им не пристало заниматься грязной работой, но на молодежь в таких делах лучше не рассчитывать, все сделают спустя рукава. Мы застали их за убийством, здесь не осталось сомнений. С ними был резервуар силы, который они... наполняли... тем, что взяли из жертв. Должно быть, они поняли, что это никак не объяснишь. Завязалась схватка. Один из моих людей вовремя заметил резервуар и разрушил его. Нас всех встряхнуло, а в небо выплеснулось облако силы. Когда старшие чародеи пришли в себя, один убийца уже погиб, сила выжгла его изнутри, а двое других в беспамятстве. Если желаете, наши маги расскажут все сами. Вы можете войти в их сознание и увидеть их глазами.

— Желаю, но позже, — Самер коснулся ноющего виска. — Ты говоришь, преступников было трое? Кто они, откуда? Сколько лет?

— Один постарше, около сорока, еще двое совсем мальчишки, не больше тридцати лет, — вспомнив, что Первый-в-Круге сам едва перевалил за тридцать, чародейка совсем тихо, чуть ли не шепотом добавила: — Простите, мудрый. Все трое не отсюда, их привели Путники. Наши Путники выискивают детей с Даром от Табры до Мерайи, а на север до предгорий. Один из крестьян, другой из семьи бродяг. Третий родился у шлюхи. Родичей в Джамайе у них нет. Все трое держались особняком.

— С кем общались из города?

Хоран разгладила на коленях складки белой кóввы.

— В этом-то и дело, что ни с кем. В последние две-три луны вовсе не покидали обителю, а может, и дольше.

— Вас часто посещают горожане? В обители много простых смертных?

— Такое бывает, но изредка. Те, у кого родные в Джамайе, предпочитают бывать в городе, а не наоборот. У нас семеро слуг, все прочие — неофиты, как во время Азасова пленения, когда мы не могли покинуть обитель. Я верю, что работа благотворно действует на учеников.

Опустив локти на подлокотники, Первый сложил руки домиком и коснулся губ кончиками пальцев.

— Видишь ли, Хоран, здесь у нас что-то не сходится. Преступники должны были с кем-то видаться, не сами же они все выдумали. За убийствами кто-то стоит.

— Кто-то стоит? — медленно повторила чародейка.

— Конечно. Есть обычное кормление кровью, знание, которое бездну лет считают запретным. Мы думаем, это омерзительно, это похоже на людоедство. Круг, во всяком случае, его знает, а самые сведущие могут кормление исполнить. Но ты сама признаешь: здесь нечто новое. Новое тоже можно открыть, в конце концов, мы маги. Но для этого нужны исследования, опыты... ведь не с первого раза получится. Этого не было. Или было, но где-то еще.

— Мы осмотрели их комнаты. Еще прежде, чем я послала Зов.

— И ничего не нашли, я помню. Хотя, конечно, я еще раз посмотрю сам.

На мгновение на лице старухи отразилось отчаяние. Впрочем, Верховный не поручился бы, искренне оно или всего лишь притворство.

— То, что вы говорите, ужасно, мудрый. Такое отвратительное колдовство!.. Кто может стоять за этим?

Вопрос был риторическим, но Самер ответил:

— Кто угодно, Хоран. Кто угодно. Если бы я знал, кого винить, я бы начал с него, а не с этой беседы.

Глава обители являла собой воплощенную скорбь. Впрочем, Самер и не надеялся прочесть ее лицо. Маг встал.

— Не стану утомлять тебя, Хоран. Час и так поздний. Позови кого-нибудь, кто проводит меня к пленникам, а потом покажет комнаты.

Глава обители протянула тонкую кисть к шнуру, когда Первый остановил ее.

— Последний вопрос, если позволишь. Я заметил, ты не пользуешься чарами и не страдаешь из-за облака силы..

— Мы второй день пьем настой имирры, он приглушает Дар, но с ним и чувствительность. Через несколько дней облако само собой рассеется.

— А это разумно? Может статься, есть еще преступники, с таким же резервуаром, и в нем заключена та же мощь. Вы же полностью лишились чар!

— Иначе нам пришлось бы покинуть дом, — развела руками чародейка. — Я очень долго размышляла. Но верней всего было закрыться от внешнего мира, хотя бы до вашего приезда. Может, торговцы потому и беспокоятся, что потеряли связь с родными.

«Торговцы беспокоятся, потому что знают — произошла *неприятность*». Мягко стелет, сказал бы Ндафа..

Провожатый появился через минуту: совсем юный, с бритой, как у жреца, головой и в бирюзовой ковве Зала Волн. Он провел Самера по гулким лестницам и бесчисленным

пустым переходам, через внутренний двор, где в ночной тиши над бассейном шептались тополя.

— Мы поместили их в Алід, — подал голос молодой маг, — там они не смогут применить Дар, даже если очнутся.

Самер кивнул на ходу.

— Алід, — замялся провожатый, — так мы зовем...

— Я знаю. В старом Царстве так звучало слово «забвение».

— Да, яма забвения. Раньше туда бросали пленников и бывали о них. Пока те не помрут от жажды или их не съедят крысы.

— Крысы все еще там? — усмехнулся Первый.

Мальчишка смутился и замотал головой.

— Все здание перестроили! Наверху теперь обитаем мы, маги-защитники, а внизу построили темницу. За звон выпьет кого угодно, — в голосе его звучало почти ребяческое хвастовство. — А если попробовать в ней колдовать — так вмиг!

Мы, маги-защитники? Верховный бросил на спутника короткий взгляд. Да, такие есть в любой обители — вернее, появились после смуты, в столице их было полторы сотни. Владеющие сильным Даром, тренированные, довольно часто они бывали молоды, но все же не желторотые юнцы, которым бы еще ходить учениками. Все, что делала Хоран, не переставало удивлять: назначить защитником мальчишку, отказаться от Дара после такого происшествия... Оставалось надеяться, что это безбрежная глупость, а не замысел. Он подумает об этом, когда останется один.

Пленники находились в здании из серого растрескавшегося гранита. Резьба на поддерживавших потолок колоннах изображала духов и языки пламени — должно быть, так зодчие представляли себе царство теней. Внутри уже ждал целитель. Он был стар, хотя еще не превратился в развалину, как Хоран.

— В каком они состоянии? — спросил Самер, пока они спускались в клетку, а цепи звучали визгливыми резкими глосами.

— Алід выпивает их силу, так что они слабы, — ответил целитель. — Но после разрушения резервуара оба пленника